

В. К. Голубева

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ АДЪЕКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются соотносимые конструкции: исходная «прилагательное + существительное» (адъективное сочетание) и трансформ «отвлеченное существительное + генитив» (деадъективное сочетание). Выявляется, какие семантические и синтаксические функции в тексте выполняет это преобразование. Показано, что деадъективные сочетания, которые в первую очередь обеспечивают встроенность признака / ситуации в новый синтаксический контекст, позволяют также акцентировать значимые компоненты смысла, актуализировать внутреннюю форму адъективной конструкции, служат средством выражения иронии и др.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, фразеологизм, синтаксическая деривация, синтаксическая трансформация, отвлеченное существительное.

В русской фразеологии – относительно молодой лингвистической дисциплине – уже, безусловно, сформировался остов традиционных тем, которые чаще всего оказываются в центре внимания исследователя. В их числе – мотивированность устойчивых единиц, степень слитности их компонентов и проблемы разработки типологии фразем, разграничение фразеологизмов и смежных языковых явлений, национально-культурная специфика фразеологических единиц, способы фиксации их в лексикографических источниках и др. Обозначенные проблемы изучались в самых разных аспектах, и один из наиболее интересных, на наш взгляд, – это способность фразеологизмов к варьированию. Сравн.: *кормить завтраками – кормить обещаниями; дать / накомылять по шее / шеям (кому-н.); набираться ума / ума-разума; выжить / выйти из ума / из ума выжить; каждой / всякой твари по паре; какой попадетя (под руку); лебединая песнь / песня* и т. д.

Исследования в этом направлении и попытки реализовать теорию в словарной практике [1–5] показали, что степень и характер вариативности устойчивых выражений вовсе не одинаковы. Скажем, различия могут касаться количества как «заменяемых» слов, так и «заменяющих». Например, в сочетании *висеть на волоске* изменяются оба компонента: *держаться на волоске, висеть на ниточке*, а в идиоме *мчаться / нестись / скакать... во весь опор* варьируется только глагол, но число «заменяющих» весьма велико. В то же время варианты могут и вовсе отсутствовать (*собаку съесть*).

Кроме лексической, существует и морфологическая вариативность или, наоборот, ограничение на образование форм слов в структуре фразеологизма. Скажем, идиома *выносить сор из избы* не имеет 1-го л. мн. ч.: **Я выношу сор из избы*, в отличие, например, от *Я протяну руку помощи*; во фраземе *приказать долго жить* употребляется только глагол сов. вида: **приказывать долго жить*. Или далеко не все именные компоненты идиом образуют числовые корреляции: *ударить в грязь лицом*, но **Они не ударили в грязь лицами* [5, с. 52–53].

В фокусе нашего внимания оказался такой тип грамматической вариативности, которая, на первый взгляд, возникает в силу необходимости не смены смыслового компонента фраземы (ориентированность на другое лицо, изменение количества предметов, участвующих в ситуации, и т. д.), а прежде всего соответствия устойчивого сочетания заданному синтаксическому контексту.

В частности, объектом исследования стали конструкции модели «прилагательное + существительное» (адъективные сочетания), трансформируемые в структуры типа «отвлеченное существительное (деадъектив) + существительное в родительном падеже» (деадъективные сочетания): *високосный год* → *високосность года, всемирный*

потоп → *всемирность потопа*, *луженая глотка* → *луженость глотки*. Как видно, преобразование адъективного компонента в деадъективный представляет собой процесс синтаксической деривации. (Сделаем два уточнения: функцию генитива иногда выполняет другая падежная форма, относительное прилагательное или местоимение; конструкцию модели «прилагательное + существительное» мы называем адъективной, а не субстантивной (по главному слову) для дифференциации, поскольку субстантив представлен и в соотносительном словосочетании с генитивом.)

Выбор объекта исследования обусловлен следующими моментами.

Во-первых, изучение варьирования сочетаний дает новые наблюдения для решения спорных вопросов, касающихся понятий устойчивости и идиоматичности конструкций (в частности, важно понять, какие преобразования конструкция «выдерживает», чтобы сохранить указанные качества, а при каких – утрачивает их, превращаясь в свободное сочетание).

Во-вторых, явления синтаксических преобразований устойчивых единиц в современной русской фразеологии находятся еще в начале теоретического осмысления, поэтому любые знания об этом позволяют анализировать уместность / допустимость и значимость вторичных сочетаний в речи (в том числе в сравнении с исходными).

В-третьих, такая информация в силу своей новизны ценна для фразеологии, особенно актуальна она для основательного лексикографического источника, нацеленного на предельно подробное представление включенных в реестр единиц.

Как мы уже писали в [6], изоструктурные устойчивые сочетания типа *сухое вино*, *изящные искусства*, *лишний человек*, *закадычный друг*, *черная металлургия*, *бездонная бочка* обнаруживают совершенно разные возможности преобразования (в частности, с сохранением первоначального значения / с его утратой), что предопределяется комплексом факторов. Цель же данной статьи – выявить прагматические аспекты трансформации исходных адъективных сочетаний.

Проведенное исследование позволило нам отметить следующее.

1. Одна из коммуникативных задач синтаксических дериватов – обеспечивать **встроенность** признака, ситуации **в новый синтаксический контекст**. Сравн.: «*Любопытной Варваре нос оторвали*», – *хитро улыбнулся Гришаня, но улыбка получилась тусклой* (В. Личутин). – *А любопытство Варвары не порок, а искаженная тяга к познанию* (Публ.). Так, во втором случае именной субъект должен семантически соответствовать предикату характеристики, что и обеспечивается конструкцией *Любопытство не порок*, но не исходной **Любопытная Варвара не порок*. (Здесь и далее контексты приводятся по [7].)

Или: *Меньше говорите «нет»! Ведь запретный плод так сладок* (Реч. общ.). – *Так что из сегодняшнего дня видится четко: этого человека ничто не удерживало на земле, ибо жизнь для него была лишь соединением мучений – и болезни, и памяти, и запретности любезных плодов, и сознания безысходности в будущем...* (В. Смехов) – как видно, востребованность именно деадъективного сочетания здесь обусловлена употреблением его в качестве одного из однородных определений, выраженных субстантивами.

Значимость процесса синтаксической деривации в сфере фразеологизмов предопределяется тем, что они обозначают устойчивые, совершенно узнаваемые ситуации, с которыми в культуре связывается целый комплекс ассоциаций. Поэтому предпочтение данного языкового средства другому, скажем неидиоматическому / описательному, может оказаться принципиальным для коммуниканта.

2. В случаях же, когда синтаксический контекст допускает употребление и адъективного, и деадъективного сочетаний, выбор во многом обусловлен **акцентировкой более значимого для говорящего смыслового компонента** – это или предмет / явление / лицо, или их признак. Сравн.: «*От вашего воздушного поцелуя слаще не стало*», – *басит тот же голос* (В. Распутин). – *О, сладкий миг! – воздушность поцелуя, Неиспещренность чистого листа...* (Поэзия инт.). Выдвижение на первый план или

нейтрализация признаковой лексемы вызваны ее разным семантико-синтаксическим статусом в противопоставленных конструкциях: деадъектив (в данном случае *воздушность*) выступает вершиной (главным словом) именной группы, а соответствующее прилагательное (*воздушный*) – зависимым вершины, ее модификатором. С учетом того, лексема со значением предмета или признака становится вершиной синтаксической структуры, и осуществляется смысловая акцентировка.

3. Как указывалось, исходное и полученное в результате трансформации сочетания могут различаться по наличию признаков устойчивости и идиоматичности. Часто конструкции с отвлеченным существительным утрачивают семантику исходной фраземы, используются как свободные сочетания. В связи с этим трансформ может служить для **актуализации внутренней формы адъективной конструкции**: выражая качество, оценку, абстрактное существительное актуализирует признак, легший в основу номинации. Например: *Словосочетание «прекрасный пол» оскорбительно тем, что не все представители женского пола делают акцент на своей «прекрасности», и для многих она совершенно не важна* (Реч. общ.). Или: *Что мы в наше время понимаем под медовым месяцем? – Чтобы понять «медовость» месяца, стоит заглянуть во времена Руси* (Публ.). При этом грамматически противопоставленные конструкции сталкиваются в минимальном контексте либо исходное сочетание выводится из тематики всего текста.

Весьма любопытно употребление адъективных конструкций в случаях, когда собственно признак прилагательного в них лишь частично, с одной стороны характеризует референт. Сравн.: *«Ларгус» оказался «гадким утенком» среди моих авто...* (коммуникант 1). – *Если не трудно, можно кратенько рассказать здесь, в чем эта гадкость выражается?* (коммуникант 2). Фразема *гадкий утенок* толкуется так ‘о ком-л. невзрачном, незаметном и т. п., кто впоследствии неожиданно для всех преобразается внешне и внутренне’ [8, с. 1405], т. е. предполагает наличие динамики признаков у объекта характеристики. При этом отвлеченное существительное соотносится лишь с прямым значением прилагательного *гадкий* и не покрывает фрагмент значения идиоматического сочетания ‘кто впоследствии неожиданно для всех преобразается внешне и внутренне’.

4. При рассмотрении трансформационного потенциала устойчивых конструкций также весьма интересны, хотя и редки (а потому нетривиальны) случаи **совмещения** в деадъективе **двух функций мотивирующего прилагательного** – первичной качественно-характеризующей и вторичной, «терминологической», идентифицирующей (отнесение объекта к определенному классу). Сравн.:

(1) *Я пришла в совершенный восторг от этих работ, именно потому, что они снимали давнюю проблему выбора: заниматься литературой или **точными науками*** (интервью с лингвистом А. Бонч-Осмоловской).

(2) *Он [Николай Васильевич] не догадывался, что куда больше его веры в священную **точность науки** мне была нужна в эти дни его вера в мою способность заниматься наукой* (В. Каверин).

(3) *Сам он [Михайлов] в Технологическом институте недолго занимался математикой, физикой и химией. **Точность** этих наук ему нравилась и соответствовала складу его ума* (М. Алданов).

Если во фрагменте (1) прилагательное *точный* употребляется в собственно терминологическом значении, а в (2) номинализация выполняет качественно-характеризующую функцию, то в (3) лексема *точность* синкретично совмещает в себе оценочность с идентификацией. Так, поскольку сочетание (*точность*) *этих наук* конкретизируется ко-референтными номинациями *математика, физика, химия*, отвлеченное имя начинает выполнять классифицирующую функцию (указание на конкретный класс наук); в то же время наблюдается актуализация внутренней формы термина *точные науки* посредством усиления субъективно-оценочной составляющей признака (*ему нравилась, соответствовала складу его ума*).

Совмещение в отвлеченном существительном первичных, качественных и вторичных, относительных сем прилагательного может служить и **средством выражения иронии**: *Легкая промышленность специализируется на льняных и пенько-джутовых тканях* (Публ.). – *Невыносимая легкость промышленности: государство заинтересовано только в военном секторе и ИТ* (Публ.). Субстантив *легкость* объединяет в себе функции идентификации ('обрабатывающая промышленность, изготавливающая предметы широкого потребления, в т. ч. одежду, обувь, головные уборы и т. п. и **не использующая тяжелого оборудования**' [9, с. 15]) и квалификации ('низкий по значимости, ненужный, неважный, неприоритетный'), чем и создается смысловая объемность этой лексемы.

Если исходные – адъективные устойчивые сочетания – далеко не всегда универсальны, скажем, в стилистическом плане, то деадъективные трансформы, как видно уже из приведенных контекстов, имеют не меньше, а часто и больше ограничений на употребление. Это явление можно рассматривать в разных ракурсах: в аспекте несоответствия систем значений прилагательного и производного существительного, в свете словообразовательных ограничений, но, так или иначе, мы вынуждены констатировать и «социальные» (исходя из терминологии В. Г. Гака [10]) факторы, т. е. влияние законов узуса – восприятие того или иного выражения языковым социумом.

С такой позиции отвлеченное существительное во многих случаях реализует скорее изоциренный, а не нейтральный способ выражения мысли, что не может не отражаться на прагматике сочетаний-трансформов. Их появление, часто заданное синтаксическим контекстом, вызвано отказом говорящего от перестройки высказывания для реализации более тривиального способа выражения мысли. Вместе с тем несовпадение семантических структур адъективов и деадъективов открывает интересные смысловые ходы при употреблении таких конструкций в стилях (прежде всего разговорный, художественный, публицистический), в которых неузальные сочетания выглядят вполне органично и создают интересные переклички смыслов.

Список сокращений

Публ. – публицистические тексты, в т. ч. размещенные в сети интернет.
Поэзия инт. – поэтические тексты, опубликованные исключительно в сети интернет.
Реч. общ. – тексты разговорной речи, в т. ч. затрагивающие интернет-коммуникацию.

Список использованных источников

1. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
2. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: около 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стер. – М. : Русские словари : Астрель, 2001. – 853 с.
3. Добровольский, Д. О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – № 2 (14). – 2007. – С. 18–47.
4. Добровольский, Д. О. Семантическая членимость как фактор вариативности идиомы / Д. О. Добровольский // Язык как материя смысла: сб. статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Азбуковник, 2007. – С. 219–231.
5. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
6. «Закрытый слог – закрытость слога», «красная икра – ?»: о синтаксической деривации в области устойчивых сочетаний / В. К. Голубева // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – [В печати].
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 19.10.2022.

8. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

9. Поляничко, Я. В. Национальная специфика семантики прилагательного (на примере лексемы «легкий») / Я. В. Поляничко // Семантико-когнитивные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Вып. 9. – Воронеж : Издательство РИТМ, 2018. – С. 14–18.

10. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.

Abstract. The article deals with such corresponding constructions as “adjective + noun” (adjectival combination) and its transform “abstract noun + genitive” (deadjectival combination). It is revealed what semantic and syntactic functions in the text this transformation has. It is shown that deadjectival combinations, which first of all ensure the integration of a feature/situation into a new syntactic context, also emphasize significant features, actualize the inner form of an adjectival construction, serve for expressing irony, etc.

Keywords: idiom, phraseologism, syntactic derivation, syntactic transformation, abstract noun.

УДК 811'243'373:398.92

П. А. Губич, Ю. А. Петрушевская

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы и критерии отбора учебного минимума фразеологических единиц английского языка, а также различные типы упражнений в учебно-методических пособиях по дисциплине «Основной иностранный язык».

Ключевые слова: фразеологические единицы, иностранный язык, методика преподавания иностранного языка, учебное пособие.

Знание и правильное употребление фразеологических единиц является одной из важнейших языковых компетенций, которая формируется при изучении любого иностранного языка. Актуальным в этой связи являются проблемы отбора и репрезентации фразеологии в учебных пособиях по иностранному языку. Преподавателями факультета иностранных языков Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова разработана серия учебных пособий по английскому языку как основному иностранному, в которых отражены разные тематические группы устойчивых единиц [1–13], а также разработаны задания по контролю за их усвоением [14–16]. Вместе с тем остаются не вполне решенными проблемы отбора единиц и их дидактического обеспечения в учебных пособиях по английскому языку как иностранному для студентов лингвистического факультета.

Цель исследования – определить принципы и критерии отбора учебного минимума фразеологических единиц английского языка, определить содержание учебных заданий по введению в учебный процесс и закреплению в речи английских фразеологизмов.

Изучение фразеологии повышает уровень владения иностранным языком. Употребление фразеологизмов обогащает речь, а также сильнее воздействует на собеседника. Обращение к фразеологии позволяет изучить характерные черты национальной картины мира носителей языка, поскольку фразеологизмы тесно связаны с традициями и культурными реалиями страны изучаемого языка [17; 18]. Включение фразеологии в учебный процесс позволяет также задействовать все аспекты изучаемого языка: фонетику, лексику, грамматику [19; 20], а также историю языка [21; 22]. На основании изученных фразеологизмов студенты могут готовить курсовые работы по основному иностранному языку [23].